

ТРАДИЦИОННАЯ И АВТОРСКАЯ СИМВОЛИКА ЧИСЛА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Барашев Андрей Хугасович

Соискатель,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

TRADITIONAL AND AUTHORIAL SYMBOLISM OF THE NUMBER IN THE PROSE OF A.P. CHEKHOV

A. Barashev

Annotation

The balance of traditional and authorial symbolics of number which is expressed in the stories and plays of A.P. Chekhov is analysed in the article. Sacral senses which are appeared at a lot of numerals ("three", "seven", "eight", "nine", "thirteen", "forty" and etc.) in the Russian and other linguocultures, generally at A.P. Chekhov are absent or appear faintly, although for the writer these senses are clear. The functioning in the prose of A.P. Chekhov of the numerals "one", "two", "three", "seven", "nine" and others shows the wish of writer to deal these numerals by own symbolic meanings which differ from common cultural or even exclusive of it. The numeral "thirteen" is often introduced in the text traditionally as unhappy number although the writer at that shows the understanding of limitation of superstitious perception of numeral.

Keywords: A.P. Chekhov, numeral name, numeral, number, quantity, symbolism of the number, linguistic view of the world, linguoculture.

Аннотация

В статье анализируется соотношение традиционной и авторской символики числа, выражаемой в рассказах и пьесах А.П. Чехова. Сакральные смыслы, проявляющиеся у многих числительных ("три", "семь", "восемь", "девять", "тринадцать", "сорок" и др.) в русской и других лингвокультурах, у А.П. Чехова в большинстве случаев отсутствуют или проявляются ослабленно, хотя для писателя данные смыслы ясны. Функционирование в прозе А.П. Чехова числительных "один", "два", "три", "семь", "девять" и других демонстрирует желание писателя наделить данные числительные собственными символическими смыслами, отличающимися от общекультурных или даже противоречащими им. Числительное же "тринадцать" нередко вводится в текст традиционно, как несчастливое число, хотя автор при этом демонстрирует понимание ограниченности суеверного восприятия числительного.

Ключевые слова:

А.П. Чехов, числовое наименование, имя числительное, число, количество, символика числа, языковая картина мира, лингвокультура.

Присвоение семантике числительного дополнительного к количественному символическому смыслу является характерным для любой развитой лингвокультуры. В этом случае количественное, фактологическое значение числового наименования ослабляется или полностью утрачивается, и на передний план выступает символическое, связанное с верованиями, суевериями, древними представлениями носителей лингвокультуры. Транслируясь из поколения в поколение, отражаясь в устной речи, фольклоре и произведениях художественной литературы, символические смыслы числительных становятся культурным кодом, константой, связывающей воедино различные этапы существования народа и языка.

Проявления символических значений числа в произведениях художественной литературы изучались такими исследователями, как В.Е. Ветловская [1], Н.Г. Воронова [2], М.Н. Крылова [5], И.Н. Кузнецова [6], А. Шуклин [8] и др. В то же время проблема функционирования и символики имён числительных в прозе писателя только затронута и намечена рядом лингвистов: Н.В. Изотовой [3], А.В. Лыковым [7].

Анализ проявления символических смыслов имён числительных в текстах рассказов и пьес А.П. Чехова показывает, что автор сочетает традиционные для русской и мировой лингвокультуры символические значения числовых наименований с авторскими. Цель статьи – выявить специфику данного сочетания, увидеть, какие символические смыслы, традиционные или авторские, встречаются у А.П. Чехова чаще. Материалом исследования стали тексты все рассказов и драматических произведений писателя.

Тема возможной символичности числа, допустимости выражения с помощью числительных особых, дополнительных смыслов, не является чуждой А.П. Чехову. В одном из рассказов герой задаётся вопросом: "Нет, серьёзно, Семен Алексеич, какой смысл имеют эти пять печатей? Нельзя же ведь думать, чтобы они прикладывались зря! Имеют они значение символическое, пророческое, или иное какое?" ("Мой разговор с почтмейстером"). Данная реплика демонстрирует наличие у писателя размышлений по поводу символики числовых наименований, рефлексии по этому поводу, потенциальность символических смыслов у числительных в различных произведениях А.П. Чехова.

Совпадения народной и авторской символики числа мы видим при анализе употребления А.П. Чеховым числительных "один", "два", "три", "семь", "восемь", "девять", "тринадцать" и др.

Числительное "один" может символизировать для писателя одиночество, непохожесть персонажа на других героев и его переживания по этому поводу: "Другие, ежели скучно, выпивают, спиритизмом занимаются, мужиков касторкой лечат, дневники пишут, а один я такой несчастный, что у меня нет никакого таланта..." ("В овраге"). Эта символика, помимо выражения значения одиночества, перекликается с лингвокультурной символикой, согласно которой число "один" связано с человеческим "я", восприятием себя как личности, себя в мире. Данная символика согласуется с наблюдением В.Б. Катаева, оценивающего значение чеховского творчества в современном мире: "Сегодняшней унификации мира противостоит чеховская художественная идеология внимания к единичному и индивидуальному" [4, с. 14]. Чеховский герой часто одинок и при этом неважно, есть ли кто-нибудь рядом с ним.

Символика числительного "два" у А.П. Чехова также имеет некоторое сходство с общезыковой символикой двуединства, пути духовного развития. В финале рассказа "Крыжовник", умиротворяющем, символизирующем примирение с жизнью, её простотой и маленькими радостями, активно, как и во всём тексте рассказа, звучит числительное "два": "Им обоим отвели на ночь большую комнату, где стояли две старые деревянные кровати с резными украшениями и в углу было распятие из слоновой кости". Числительное "два" обозначает здесь переход от суеты и разъединения к единству, спокойствию и удовлетворению.

Числительное "три", символизирующее в лингвокультуре совершенство, мировой порядок, духовность, не используется А.П. Чеховым в этом смысле. Напротив, его утилитарное, практическое использование с целью обозначения разных, важных и, по большей части, неважных, количеств, словно противостоит лингвокультурной символике. Например: "Сочиняешь. Я держу венец на три вершка от головы" (пьеса "Татьяна Репина") и под. Сакральное, символичное использование числа "три" (в некоторой связи с его традиционным христианским смыслом) встречается, когда писатель описывает смерть: "При тусклом свете ночников и лампад возле кровати Михайлы двигались три фигуры" ("Беглец"). Возле кровати умершего Михайлы движутся три человека, воспринимаемые как "три фигуры", что отсылает к мистическому восприятию смерти, является аллюзией христианских легенд.

Числительное "семь", осмысливаемое в лингвокультуре как святое число, а также типичное для русских по-

словиц и поговорок, не имеет у А.П. Чехова яркого общепринятого смысла, как и числовое наименование "три", хотя символичность данных чисел осознаётся писателем: "Семь на нашей планете играет такую же важную роль, как и три (семь смертных грехов, семь дней в неделе и т. д.)" ("Гречневая каша сама себя хвалит"). Однако нельзя сказать, что писателю удаётся полностью игнорировать заложенную в семёрке символичность. Находим примеры, где с количеством "семь" связана печаль героя, его стремление к одиночеству, глубокому осмыслению событий, духовной рефлексии: "Семь дней сидел он у себя, ничего не ел, не пил, не играл на органе и плакал. На стук в его дверь и на просьбы монахов выйти и поделиться с ними своею печалью он отвечал глубоким молчанием" ("Без заглавия"). Здесь особое значение числительного подчёркивается упоминанием о монахах, указывающим на связь с духовным миром. Не чужд писателю и фольклорному восприятию числительного "семь", в рассказе "Мои жёны" он использует его вполне традиционно. Именно столько жён было у современной Синеи Бороды: "Из нижеприведенной характеристики всех семи мною отравленных жен читателю и Вам, м. г., станет очевидным, насколько не опереточны были причины, заставлявшие меня хвататься за последний козырь семейного благополучия". Рассказ приобретает семичастную композицию, вполне соответствующую построению фольклорного произведения.

Числительное "восемь" также, на первый взгляд, не отмечается в характерном ему в мировой лингвокультуре значении вечности, начала и конца истории. Его использование писателем чаще всего сугубо утилитарное: "Было восемь часов утра – время, когда офицеры, чиновники и приезжие обыкновенно после жаркой, душной ночи купались в море и потом шли в павильон пить кофе или чай" ("Дуэль"). Однако в рассказе "Драма на охоте" числительное "восемь", используемое для обозначения количества лет, прошедших после трагедии, связано с глубоким осмыслением произошедшего когда-то, подведением итогов: "Со времени описанных событий прошло уже более восьми лет. Одни участники драмы умерли и уже сгнили, другие несут наказание за свой грех, третьи влачат жизнь, борясь с будничной скукой и ожидая смерти со дня на день". Символика числительного здесь схожа с общекультурным обозначением начала и конца, их противоборства и одновременно слияния.

Числительное "девять", имеющее в общекультурной символике значение завершенности, замкнутости, законченности, в русской христианской культуре связано с традициями поминовения на девятый день, с суевериями. А.П. Чехов в рассказе "В овраге" использует данное традиционное понимание этого числового наименования. Один из героев спрашивает: "Вавила, как человек помрет, сколько дней его душа по земле ходит?", на что другой отвечает: "Девять дён".

Числительное "десять", выражающее в мировой лингвокультуре единство божественного и материального начал, а также широко используемое в христианстве, у А.П. Чехова в высоком, духовном смысле практически не встречается. Исключение представляет наименование в тексте церковного праздника: "А этой зимой перед Рождеством на десять мучеников в Крите, когда метель день и ночь стояла... помнишь?" ("Ведьма").

Числительное "двенадцать" вполне осознаётся автором как носитель христианской символики, число, связанное с сакральными христианскими понятиями. В этом значении оно встречается в тексте: "Небось, была на двенадцати евангелиях? – Была, – ответила Василиса" ("Студент"), но при этом используется в традиционном смысле, без преломления в авторском сознании и неэкспрессивно, просто как наименование соответствующей реалии. Иногда временное значение двенадцати часов ночи связано с каким-то таинственным, символическим происшествием: "Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; все засмеялись, засуетились и стали прощаться" ("Невеста"). Лопнувшая струна понимается в рассказе как дурная примета: свадьба так и не состоялась, так как жених умер, и, возможно, не случайно автором выбрана для недоброго предзнаменования именно полночь – время, связываемое в фольклоре и легендах с активностью тёмных сил.

Особо выделяется в плане наличия символических смыслов в тексте чеховских произведений числительное "тринадцать". Для А.П. Чехова характерно типичное для русской культуры осмысление данного числа как несчастливое. Оно действительно крайне редко встречается в рассказах и пьесах в объективном, количественном смысле. Н.В. Изотова, затрагивая проблему счастливых и несчастливых для чеховских героев чисел, отмечает: "Число тринадцать персонажи интерпретируют по-разному, но в основном им свойственно его типичное осмысление как числа, приносящего, как правило, неудачу" [3, с. 184]. К примеру, в пьесе "Три сестры" мы знакомимся практически со всеми героями в ходе подготовки к застолью, посвящённому именинам Ирины, и на самом праздновании. Представляется не случайным то, что гостей за столом оказывается тринадцать, и один из героев, Кулыгин, замечает и оценивает этот факт: "Тринадцать за столом!", а другой герой, Родэ, громко комментирует: "Господа, неужели вы придаете значение предрассудкам?". Несчастливость описываемого семейства, тоска сестёр, их неудовлетворённость жизнью, своим местом и своей ролью в ней дополнительно подчёркиваются этим числительным. Числительное "тринадцать" служит финальной нотой, завершающей первое действие пьесы и заставляющей читателя задуматься в ожидании чего-то плохого, напророченного данным числовым наименованием.

Принимая во внимание наличие в чеховской прозе символических трактовок числовых наименований, совпадающих с традиционными для русской лингвокультуры, необходимо отметить, что чаще его символика числа индивидуальна, в его произведениях у числовых наименований появляются особые, индивидуально-авторские символические значения, которые могут быть свойственны как числовым наименованиям вообще, так и конкретным именам числительным.

В пьесе "Вишнёвый сад" имена числительные вообще символизируют практичность и противостоят в этом значении миру Любви Андреевны Раневской, Гаева и других оторванных от мира, от его низменных практических забот героев. Объяснение Лопухина, представляющего Любви Андреевне свой коммерческий "проект" дальнейшей судьбы вишнёвого сада и имения, насыщено числовыми наименованиями: "Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода <...>. Вы будете брать дачников самое малое по двадцать пять рублей в год за десятину, и если теперь же объявите, то, я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, все разберут. Одним словом, поздравляю, вы спасены". По мнению Лопухина, такой проект должен не просто заинтересовать, но и обрадовать владельцев имения, однако их реакция на предложение Лопухина отрицательная, и в репликах старых владельцев вишнёвого сада числительных в данный момент не встречается вообще: "Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад". Имена числительные в речи таких героев, как Раневская, Гаев, – редкость, они практически отсутствуют, и это отсутствие глубоко символично. Мы видим выраженное в пьесе при помощи числа противопоставление земного, рассудочного, связанного с деньгами.

Интересные авторские символические смыслы выражает числительное "два". В рассказе "Волк" оно употребляется так часто, что, кажется, символизирует борьбу и противостояние человека и животного, борьбу жестокую, не допускающую примирения и подразумевающую возможность выживания только одной из сторон: "Вчера ввечеру около деревни жеребенка и двух собак зарезал, а нынче чуть свет выхожу я, а он, проклятый, сидит под ветлой и бьет себя лапой по морде". Числительное "два" нередко также символизирует дилемму, выбор, соперничество между двумя объектами и одновременно их единство: "Подозреваются всё те же двое: я и ветер... Кто из двух признается ей в любви, она не знает, но ей по-видимому, уже все равно; из какого сосуда ни пить –

всё равно, лишь бы быть пьяным" ("Шуточка"). Числительное "два" помогает автору изобразить ситуацию сомнения и колебания.

Числительное "три" становится у А.П. Чехова символом проходящего времени: "Внизу на номерных часах пробило три... Наконец, потеряв терпение, он начал медленно спускаться вниз к выходу..." ("75000"); знаком движения времени, изменений. Показательно, что за временной период, обозначаемый автором в разных произведениях как "три года", многое меняется, это время определяется писателем как некий рубеж, дающий возможность переосмыслить произошедшие события, начать всё заново: "...То, что происходило три года назад в доме и во дворе Цыбукина, уже почти забыто" ("В овраге").

Особым символическим смыслом наделено числительное "три" в пьесе "Три сестры", причём дело даже не в том, что оно вынесено здесь в заголовок. Оно символизирует противостояние сестёр и всего мира – равнодушного, пустого, и именно числительное способствует созданию щемящего чувства одиночества сестёр: "Три сестры стоят, прижавшись друг к другу". Числительное "три" символизирует в пьесе также необычность сестёр, качества, отличающие их от окружающих: "Вот таких, как вы, в городе теперь только три...". То есть "три" противопоставляется некому гораздо более значительному количеству, точное значение которого невозможно установить и которое можно обозначить, как 'все остальные'. "Три" же обозначает 'иные, обречённые на несчастье и умирание'.

Числительное "шесть" в рассказе "Утопленник", герой которого "предлагает за шесть гривен утопленника представить...", символизирует не только маленькую цену (торговля идёт от двух рублей), но и позор, окончательное падение спившегося "актёра", некогда бывшего благородным человеком. В рассказе "Учитель словесности" в символике этого числительного явно проявляется значение несчастья одной из героинь. Числительное "шесть" не случайно встречается здесь несколько раз подряд: "Уже шестой час утра. Я взялся за дневник, чтобы описать свое полное, разнообразное счастье, и думал, что напишу листов шесть и завтра прочту Мане, но, странное дело, у меня в голове всё перепуталось, стало неясно, как сон, и мне припоминается резко только этот эпизод с Варей", связываясь каждый раз с незавидной участью незамужней старшей сестры, несчастье которой контрастирует со счастьем замужней младшей сестры.

Числительное "семь" может быть связано с состоянием покоя, пришедшего после длительных волнений: "Немного погодя он лег спать и уснул крепко, после семи бессонных ночей" ("В овраге"); с небольшим заработком

приходящей учительницы: "Когда она пришла в седьмой раз, он достал из кармана конверт с семью рублями и, держа его в руках, очень сконфузился" ("Дорогие уроки"); использоваться с целью передачи сильных чувств героя: "Я, на вашем бы месте, на семи осинах удавился, а вы полотно покупаете... улыбаетесь!" ("Драма на охоте"). Числительное "семь" неожиданно символизирует счастье в понимании Кулыгина, мужа Маши, в пьесе "Три сестры": "Женат я на тебе семь лет, а кажется, венчались только вчера", однако счастье это оказывается призрачным: Маша не разделяет восторга мужа, её любовь прошла, и муж тяготит её.

Числительное "девять" в нескольких рассказах писателя связано с семантикой предельного, даже избыточного количества чего-либо, количества, на котором герой хочет остановиться: "Итак, за всё время, пока я считаюсь взрослым, к великому огорчению моего отца, городского архитектора, я переменял девять должностей. Я служил по различным ведомствам, но все эти девять должностей были похожи одна на другую, как капли воды" ("Моя жизнь"). В этом случае для А.П. Чехова практически обязательны усиливающие символику предельности повторы данного числительного: "За последние пять лет у нас перебивало девять кассиров, и все девять шлют нам теперь в большие праздники из Красноярска свои визитные карточки. Все девять!" ("Единственное средство").

На многократном использовании числительного "десять" построен рассказ "Барыня". Именно за десять рублей жалования нанимается на службу кучером к капризной барыне Степан, и "десять рублей" выступают как символ его службы и его новых рядом с барыней обязанностей. Эта сумма становится компонентом подшучиваний над Степаном со стороны других героев-мужчин: "Разве можно барину на десять целковых прожить? Что ты? Он сто получает!", а когда происходит несчастье (Степан убивает свою жену), то к барыне возвращается прежний фаворит, занимающий "место доходное, теплое и самое для него подходящее". Характеристикой дальнейшей "службы" любимца барыни и заканчивается рассказ, причём снова актуализируется числительное "десять": "Десять раз в год его прогоняли с этого места и десять раз платили ему отступного", становясь символом мужского падения.

Авторская символика может проявиться у таких числительных, которым символичность в общекультурном смысле не свойственна, например, "семьдесят". В финале пьесы "Вишнёвый сад" есть момент, когда расстояние в семьдесят вёрст оказывается непреодолимым для героев. Лопахин пытается решиться сделать предложение Варе, она же рассказывает о своих дальнейших планах: "К Рагулиным... Договорилась с ним смотреть за хозяйством... в экономки, что ли". Лопахин комментирует: "Это

в Яшнево? Верст семьдесят будет" и так и не решается сделать предложение. Семьдесят вёрст символизируют здесь не только географическое расстояние, но и пропасть, лёгшую между героями, мешающую им объясниться и сблизиться, мешающую им изменить свою жизнь и быть счастливыми.

Итак, А.П. Чехов, прекрасно владея распространёнными в лингвокультуре традиционными символическими смыслами числительных, стремится отвлечься от них, сознательно противоречит культурной традиции, игнорируя значения, символические для числовых наименований "три", "семь", "девять", "двенадцать", "сорок" и др. Хотя полностью игнорировать традиционную семантику числа А.П. Чехову не удаётся и культурные коды не могут не отразиться в его текстах, однако традиционное сим-

волическое звучание числа ослаблено. И, напротив, ряд числительных, которым обычно не свойственна символическая семантика, – "один", "два", "шесть", "десять" и др. – наделяются писателем авторскими символическими смыслами.

В языковой личности писателя соединяются глубокие знания о культурной символике чисел с нежеланием следовать ей, подчинять собственную фантазию и восприятие действительности веками выработанным и закреплённым в языковой картине мира установкам. В то же время числовые наименования – неотъемлемая составляющая, создатель образности и выразительности произведений А.П. Чехова, и выражающаяся посредством их символика помогает писателю в обрисовке ситуаций и характеров, создании атмосферы повествования и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветловская, В.Е. Символические мотивы в "Братьях Карамазовых" / В.Е. Ветловская // История и культура. – 2007. – № 6. – С. 139–149.
2. Воронова, Н.Г. Повесть Н.В. Гоголя "Тарас Бульба": христианская символика чисел / Н.Г. Воронова // Культура и текст. – 2011. – № 12. – С. 371–381.
3. Изотова, Н.В. Числовой ряд в диалогическом общении персонажей А.П. Чехова / Н.В. Изотова // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации. Сб. материалов Международной научной конференции. Ростов–на–Дону, 1–4 октября 2012 года. – Ростов–на–Дону: Foundation, 2013. – С. 184–188.
4. Катаев, В.Б. Чехов в XX веке: покорение планеты / В.Б. Катаев // Литературный календарь: книги дня. – 2010. – Т. 4. – № 1. – С. 13–15.
5. Крылова, М.Н. Авторская символика чисел в рассказах Вадима Шарапова / М.Н. Крылова // Филология и литературоведение. – 2014а. – № 10 [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.snauka.ru/2014/09/950>. – 02.10.2014.
6. Кузнецова, И.Н. Символика числа три в романе А. Лиханова "Сломанная кукла" / И.Н. Кузнецова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 46–50.
7. Лыков, А.В. Имена числительные как средство объективации повествования в произведениях А.П. Чехова / А.В. Лыков // XX чеховские чтения: материалы лингвистической секции. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2001. – С. 59–65.
8. Шуклин, А. Символика чисел в романе Ф. М. Достоевского "Идиот" / А. Шуклин // Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX–XX вв.: Материалы международных исследований / Отв. ред. Е.Н. Эртнер, А.А. Медведев. – Тюмень: Печатник, 2009. – С. 32–36.
9. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1980–1983.
10. Чехов, А.П. Сочинения [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com [Сайт]. – URL: http://royallib.com/author/chehov_anton.html. – 12.08.2014.

© А.Х. Барашев, (andreybarashev@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru
АСЭР
 ГРУПП

Управление государственной и муниципальной собственностью

XX Всероссийская Конференция, Конгресс-центр ГК "КОСМОС", Москва

26 сентября 2018

ГК Агентство Социально-Экономического Развития
 тел: (495) 971-5681
<http://www.asergroup.ru>

Реклама